

МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ КАРГЕР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

ПОСВЯЩАЕТСЯ 70-ЛЕТИЮ
М. К. КАРГЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1974

ское княжение (1210 г.).³³ Под 1225 г. упоминается «Торопецкая волость».³⁴ Торопецкая волость-княжество занимала уже почти всю территорию Оковского леса. В более раннее время, как мы уже говорили, дань Смоленска на скопления поселений Оковского леса припала из Торопца. Прежде всего, надо полагать, дань эта распространилась на население, окружающее Жижеецкое озеро. Я. В. Сташевич здесь, у дер. Залучье, открыл городище XI в., которое, очевидно, представляет собой остатки древнерусского города Жижеец, платившего в 1136 г. в Смоленск 130 гривен и большое количество рыбы. Помимо этих поборов, сам город уплачивал в XII—XIII вв. епископу городскую подать «погородье» — 5 гривен и 1 лисицу.³⁵

Археологические работы в районе Лучанского озера не проводились. Обилие курганных групп вокруг него и наличие лучанского волока заставляют думать, что здесь было платежеспособное население, среди которого не мог не возникнуть свой феодальный центр. В грамоте Ростислава Смоленского действительно упоминается город Лучин, плативший в Смоленск полуде (цифра не сохранилась), мыто, доход с корчмы, три гривны урока, две «лисицы» и «осетр».³⁶ О Лучине упоминает и летопись, сообщая, что «Рюриковъ же, идущу из Новгорода и Смоленска и бысть на Лучинѣ... родися оу него сын» (1173 г.).³⁷ На территории Смоленской земли несколько топонимов «Лучин», что вызывало различную локализацию этого пункта. Н. П. Барсов помещал его на Лучанском озере, П. В. Голубовский, а за ним А. Н. Насонов — на р. Ельше у дер. Лучаны.³⁸ Судя по приведенному отрывку, Лучин можно было бы приурочить к Лучину на Днепре (ныне Рогачевский район Гомельской области), где на самом деле есть остатки раннесредневекового города.³⁹ Однако город этот в Смоленскую землю не входит, и сообщение летописи о подарке его Рюриком своему сыну (о чем идет речь после цитированной части отрывка) невероятно. Следует обратиться к другим спискам Ипатьевской летописи, где этот текст сохранился, по-видимому, в более исправном виде. В Хлебниковском и Погодинском списках сказано, что Лучин был между Новгородом и Смоленском («Рюриковъ же,

идущу из Новгорода к Смоленску».⁴⁰ Это меняет дело: Лучин следует искать либо на Ельше, либо у нашего Лучанского озера. Нет сомнения, что находился он у озера. Во-первых, на Ельше нет округи, с которой бы Лучин мог собирать солидную дань. Во-вторых, Лучин платил в Смоленск (единственный город!) одинного осетра, а рыба эта заходила в реки только метать икру. В Смоленскую землю она могла попасть только через Ладогу, так как известно, далее Волхова она не заплывала.⁴¹ Лучин, следовательно, должен был быть ближе всего расположен к Новгородской земле и находиться на удобном пути сообщения с Ладогой. Это и был центр на Лучанском озере, выросший в среде многочисленных древнерусских деревень этих мест. Здесь и следует искать его остатки.

Нет сомнения, что в междуречье Двины и Волги, между Волгой и Селигером у волоков были свои феодальные центры. Волок, начинавшийся у оз. Охват, выходил к юго-восточному берегу оз. Пено, как раз к тому месту, где в него впадает р. Большая Исня, именуемая, по свидетельству И. М. Красноперова, местным населением Женья.⁴² Это навело его на мысль, что р. Исня Большая и есть Женья Великая, возле которой был центр с тем же названием, известный по грамоте Ростислава, но местоположение его исследователями с точностью не определено (на карте А. Н. Насонова помещен в другом месте и под вопросом). Работа И. М. Красноперова, осталась незамеченной, но его наблюдения, с нашей точки зрения, крайне важны. Важно, что Женья Великая платила в Смоленск 200 гривен, т. е. столько же, сколько соседние и находящиеся, следовательно, в тех же условиях Жабачев и Хотини. Местоположение этих последних впервые было определено П. В. Голубовским, однако И. М. Красноперов, побывавший в 1899 г. на месте, определил, что Жабачев был не у новой дер. Жабы на оз. Сабро, а у дер. Рудино (именуемой в писцовых книгах 1624 г. Жабинной), один из концов которой носит и сейчас название Жабин. Около этой деревни у самого оз. Селигер он указал «высокий холм-курган, в настоящее время совершенно распаханый (за исключением площадки наверху)»,⁴³ где крестьяне находили кости, че-

репа, бусы и другие вещи. Можно полагать, что это и есть остатки городища Жабачев XII в. Пункт этот собирал дань со скопления деревень, выравнивших территорию у Оковского леса между северной оконечностью оз. Пено и южной оз. Селигера. Той же цели служил пункт Хотини (ныне дер. Хотинина) на юго-восточном берегу оз. Волго, возле которого в 1899 г. сохранилось еще сильно подмываемое рекой городище («курган»). Хотини контролировал суда, идущие от оз. Пено к Волге, и собирал дань с окрестных селений. В 50 км ниже Хотинина, в излучине Волги у устья ее правого притока Солодомли (ныне населенный пункт Спас-Солодомли, по-народному — Солодовли), где находятся курганы, подтверждающие его древность, есть какой-то холм над рекой, имеющий «искусственно округленный вид», по вероятному предположению И. М. Красноперова, — остатки населенного пункта, упоминаемого в грамоте Ростислава, — Солодовичи⁴⁴ (безосновательно помещенные П. В. Голубовским в Смышовском уезде),⁴⁵ платившего в Смоленск 20 гривен. Находясь почти на середине пути между Хотинином и Ржевом, он был, очевидно, остановочным местом для проезжающих по реке и эта его скромная деятельность (доход с корчмы) приносила князю всего 20 гривен дохода.

Помимо пунктов, обозначенных в грамоте Ростислава, на территории Оковского леса были, видимо, и другие феодальные центры, но доход с них поступал в Смоленск не непосредственно, а через более крупные пункты. Смоленские грамоты сообщают нам о существовании особой должности «волоцкий тивун» — должностном лице, собиравшем на волоках мыто с проезжающих.⁴⁶ Этим тивунам, вероятно, и принадлежали населенные пункты с названием «Княжее», «Княжее Село» и т. д. Их мы видим на карте именно на тех волоках,

на которых не было городских центров, встречаемых в грамоте Ростислава: Княжее Село на волоке р. Торопа — р. Сережа, Княжее на волоке р. Межа — р. Молодой Туд, Княжее на волоке р. Днепр — р. Вазуза. Заметим, что от дер. Княжее Село в сторону г. Холм тянется длинная цепочка курганных групп, показывающая, что князю подчинялась и сухопутная дорога, идущая в этом направлении.

В заключение отметим и современные леса (по картам XIX в.), сохранившиеся в бытность Смоленской земли и являющиеся рудиментом Оковского леса. Леса эти мы видим более всего в междуречье Западной Двины и Межи, а также в междуречье последней и верхних притоков Каспи. Возможно, что к рудиментам этим относятся и лес, сохранившийся в XIX в. между р. Полой и оз. Стерж.

Таким образом, древнейший лесной массив русских летописей — Оковский (Водковский) лес занимал центральное плоскогорье Восточно-Европейской равнины и играл в жизни древней Руси огромную роль. Проникнув в глубь его территории по многочисленным рекам, славяне (на летописи мы знаем, что это были кривичи) основали здесь по меньшей мере 6 волоков, которые обеспечивали бесперебойную связь между реками Черноморского, Балтийского и Каспийского бассейнов. Южная часть Оковского леса подходила вплотную к бассейну р. Каспи, занятому, как известно, обширной областью Верикавлян Великих, платившей в Смоленск, судя по грамоте Ростислава, 1000 гривен.⁴⁷ Область эта имела свою систему водных коммуникаций и волоков и ее рассмотрение в нашу задачу сейчас не входит. Возможно, что обилие волоков в Оковском лесу послужило основанием для переосмысления его названия из Оковского в Волоковский, Вльковский или просто в Водковский, как он и стал обозначаться в более поздних источниках.⁴⁸

⁴¹ Там же.

⁴² П. В. Голубовский. История Смоленской земли, с. 66, прим. 2.

⁴³ Смоленские грамоты..., с. 37.

⁴⁴ В. В. Седов. К исторической географии Смоленской земли. МНСО, вып. 4, Смоленск, 1961.

⁴⁵ ПСРЛ, т. VII, с. 262 и сл.

В. А. Булини, Г. С. Лебедев

ГНЕЗДОВО И БИРКА

(К проблеме становления города)

Становление древнерусского города — одна из немногих тем славяно-русской археологии, которая вот уже десятки лет не сходит со страниц археологической и исторической литературы. Фундаментальные исследования по истории крупнейших древнерусских городов Киева

и Новгорода¹ показали всю сложность этого вопроса, а также раскрыли масштабы и значе-

¹ М. Н. Каргер. Древний Киев. Т. 1. М.—Л., 1958; Тр. Новгород. археол. экспедиции, т. 1, МИА, № 55, 1956; т. II, МИА, № 65, 1959; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956.

³³ А. Зм. Каваленя. Археологічна развідка у Мадітеускаї, Бабруйській і Мешській округах. Праці археологічної комісії, т. II, Мевск, 1930, с. 149—151.

³⁴ А. В. Куза. Рыболовство в древнем Новгороде по берестяным грамотам. Археол. сборник МГУ, М., 1961, с. 61; Л. П. Сабанеев. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев, 1960, с. 558—600.

³⁵ И. М. Красноперов. Некоторые данные по исторической географии Смоленского и Тверского краев в XII в. ЖМНП, 1901, июль, с. 352.

³⁶ Там же.

³³ ПСРЛ, т. VII, с. 116.

³⁴ НПЛ, с. 64.

³⁵ ПРП, т. II, с. 41—44.

³⁶ Там же, с. 40—44.

³⁷ ПСРЛ, т. II, М., 1962, стб. 567.

³⁸ П. В. Голубовский. История Смоленской земли. Киев, 1895, с. 20, прим. 3.

³⁹ Н. П. Барсов. Очерки..., с. 25; А. Н. Насонов. «Русская земля»...

ние городской культуры русского средневековья. Становление города — одно из проявлений процесса гласообразования, завершающегося созданием государства. Развитие обоих взаимосвязанных явлений определяется как внутренними, так и внешними факторами. В числе последних — международная торговля Руси IX—XI вв. Советские археологи и историки полностью опровергли концепцию древнерусских городов как опорных пунктов, основанных шведами для обеспечения скандинавской «восточной торговли». Однако нельзя забывать, что расцвет международной торговли и на Руси, и в Скандинавии был следствием прогресса производительных сил и распада родовых отношений на громадной территории Восточной и Северной Европы. Русь и Скандинавия включились в единую систему международных торговых связей, и это не могло не повлиять на дальнейшее развитие общественных отношений и той, и другой стороны.

Предпосылки для развития этих отношений были заложены в предшествующий период под воздействием факторов общеевропейского характера: в VII—VIII вв. фризские торговые центры (Домбург и Дорестад) завязывают отношения с северными странами² и одновременно восточные купцы осваивают путь по Волге до Прикамья и Среднего Урала.³ Однако восточная и западная ветви торговых путей сомкнулись лишь в IX в., когда в торговые связи активно включились славянские, балтские, финские и скандинавские племена. В VIII—IX вв. на магистральных путях Северной и Восточной Европы возникли поселения нового типа, служившие для реализации новых общественных функций. Начальные этапы их истории на территории Восточной Европы в письменных источниках освещены сравнительно скупо. Изучение ведется главным образом средствами археологии. В числе этих поселений — Ладога, Рюриково городище под Новгородом, и прежде всего Гнездово, характер которого до сих пор остается предметом дискуссии, несмотря на огромное количество накопленного материала.⁴

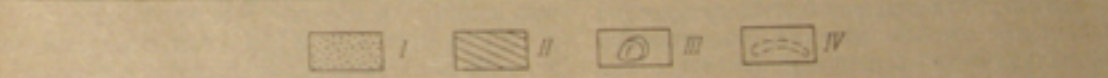
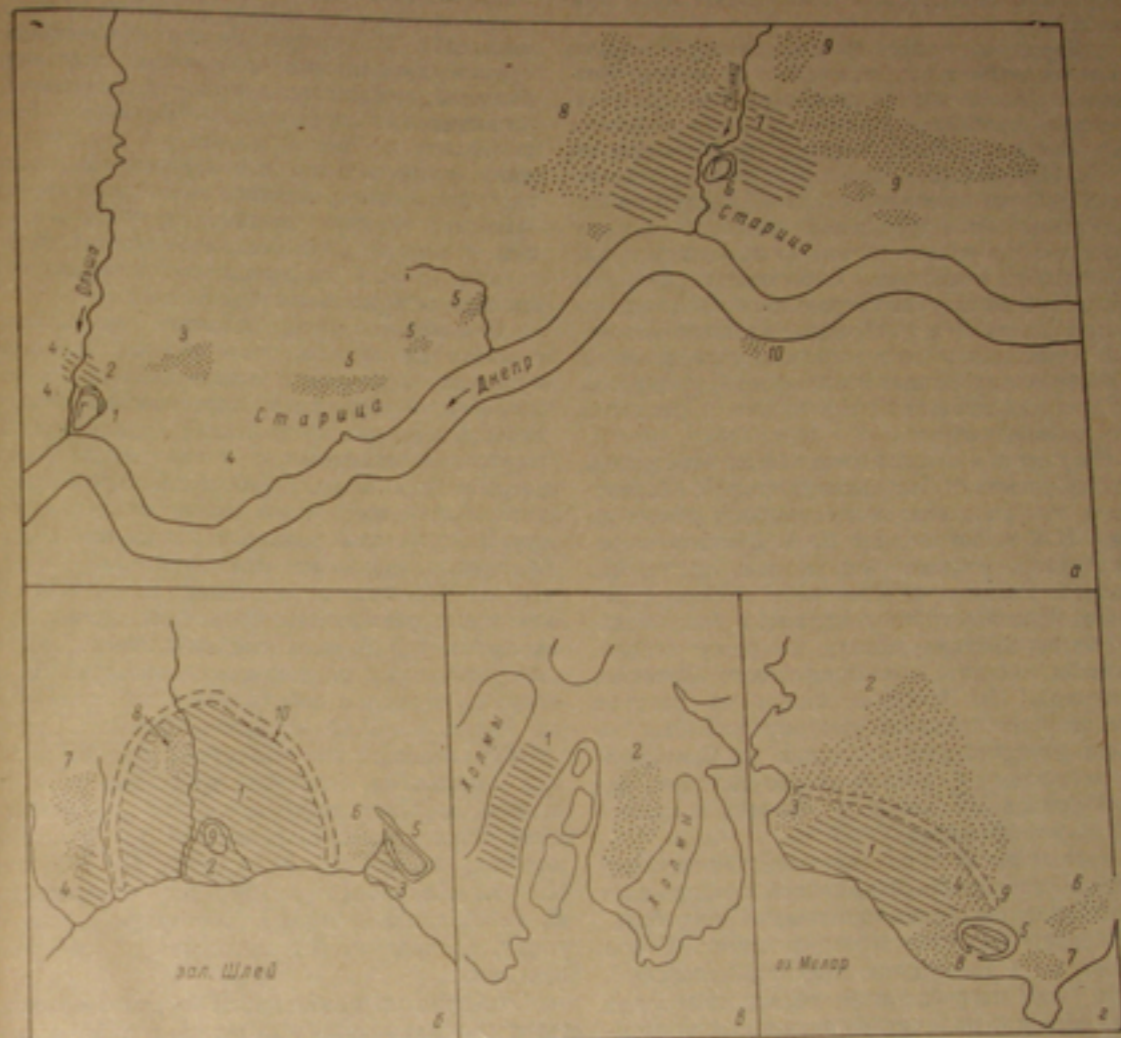
Гнездовский комплекс памятников, раскинувшийся на несколько километров вдоль днепровского берега, включает поселения, могильники и клады (см. рисунок, а). В западной части, при впадении р. Ольши в Днепр, находится Ольшанское городище, примыкающее к нему

с севера селище и курганные группы, вытянутые цепью вдоль старицы Днепра. Центральная группа гнездовских памятников занимает выгруппированное возвышение, начинающееся от днепровского берега вверх по р. Свинке вплоть до границы с курганами на площади 16 га, охватываемое с севера полукольцом могильника, состоящего, по традиционной терминологии, из Центральной и Лесной групп. В устье Свинки находится большое гнездовское (Центральное) городище, окруженное со всех сторон, кроме южной, селищем. Весь этот комплекс как бы раскрывается в сторону Днепра. С селищем, по мнению А. Н. Лявданского, можно связывать находки нескольких кладов, другие обнаружены на городище. Материалы исследований курганов, а также небольших раскопок на городищах и обследований селищ позволили еще А. Н. Лявданскому сделать вывод об их одновременности, подтвержденный последующими раскопками И. И. Ляпушкина.⁵

Хронология Гнездовского комплекса памятников разделяется на три стадии: сложения (IX—начало X в.), расцвета (X в.) и упадка (конец X—XI в.). Для каждой из них характерны свои особенные черты и своеобразная проблематика.

Занятия населения во многом определялись положением Гнездова на стыке днепро-двинских волоков и Днепра. Гнездово было тем пунктом, где начинался новый участок водного пути, требующий специальной подготовки. Здесь могли происходить встречи купцов, обмен товарами, торги и т. п. В то же время общезвестно стратегическое значение Днепровского пути. Формирование в Гнездове военных отрядов подтверждается дружинным в своей основе характером могильника, а «военная тропа» по Днепру была хорошо известна и первым русским князьям, и норманнам. В честь жителей Гнездова, погибших в далеких и кровопролитных походах, были сооружены меморативные насыпи. Подвижность дружин, движение купцов, тяготение населения к крупному торжищу — все это предполагает колебания численности населения в Гнездове, его пульсацию.

Торговые обороты в Гнездове засвидетельствованы находками кладов, состоящих из вещей скандинавского импорта, восточных монет и предметов местного происхождения. «Большие курганы» с особым выделением и вслещским подчеркиванием высокого воинского звания

Северные вилки и Гнездово. Схема.

1 — Гнездовское 1 — Ольшанское городище, 2 — поселение на берегах р. Ольши, 3 — Ольшанская курганный группа, 4 — одиночные курганы, 5 — курганы на старице Днепра, 6 — Большое гнездовское (Центральное) городище, 7 — Центральное гнездовское селище, 8 — Центральная курганный группа, 9 — Лесная курганный группа, 10 — поселение на левом берегу Днепра, 11 — Холмбы: 1 — поселение X—XI вв. внутри полукольца вала, 2 — поселение IX в. внутри полукольца вала, на берегу ручья, 3 — поселение IX в. на берегу ручья южнее полукольца вала, 4 — фризское поселение VIII в. на берегу ручья южнее полукольца вала, 5 — «Холмбы» (городище южнее Великого переселения народом?), 6 — могильник южнее «Холмбы», 7 — могильник VIII—X вв. южнее полукольца вала, 8 — могильник IX—XI вв. внутри полукольца вала и могильник конца IX—начала X в. с намерами, 9 — речеславянский квартал X в., 10 — полукольца вала над X в.; 11 — Шириньсала: 1 — поселение, 2 — могильник; 12 — курган: 1 — «Черная Земля», 2 — курганное поле «Хемланден», 3 — грунтовый могильник на «Черной Земле» и на «Чертане» северной части «Хемланден», 4 — грунтовый могильник и курганы в южной части «Хемланден» и на «Чертане» северной части «Хемланден», 5 — «Борга», 6 — курганное поле юго-восточнее «Борга», 7 — курганное поле южнее Борга, 8 — грунтовый могильник севернее Борга, 9 — вал; I — могильники, II — поселения; III — городища; IV — вала.

² Н. Jan kiuh. Naitabu. Neumünster, 1963, S. 30—33, 46.
³ В. Ю. Лещенко. Восточные клады на Урале в IX—XIII вв. Автореф. канд. дисс. Л., 1971, с. 18—21.
⁴ И. И. Ляпушкин. Гнездово и Смоленск. В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 33—37.

⁵ И. И. Ляпушкин. Новое в изучении Гнездова. В кн.: Археологические открытия 1967 г. М., 1968, с. 43—44; А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Тр. Смолен. гос. музея, Смоленск, 1924, с. 137—149.

погребенного обязательно содержат предметы торгового инвентаря, а также вещи явно привозные.

Наряду с торговлей и военными походами население Гнездова занималось ремеслом. Участок, на котором располагались мастерские, находился на берегу Днепра, в месте впадения р. Свники. Раскопками, произведенными И. И. Ляпушкиным, здесь открыты мастерские по обработке цветных металлов.⁶ Одним из показателей высокоразвитого ремесла служат найденные в курганах так называемые вещи-гибриды, т. е. изделия, сочетающие элементы различных культурных традиций ремесленного производства. Вещи-гибриды являются частичным отражением процесса взаимодействия в инвентаризации разных этнических группировок в Гнездове, выразившегося также в развитии погребального обряда.

Население Гнездова отличается этнической неоднородностью. Это явление нельзя рассматривать как узколокальное, присущее лишь Гнездову. К X в., по мнению Е. А. Шмидта, «процесс этногенеза кривичей полностью еще не был завершен. Главным компонентом в формировании гнездовской группы кривичей была большая масса продвинувшихся на север славян, в остатки местного ассимилируемого балтского населения».⁷ В Гнездове, одном из центров формирования кривичей, этот процесс был осложнен присутствием выходцев из Скандинавии. Этот элемент, хотя и не сыграл здесь заметной роли в этногенезе, но, по-видимому, повлиял на его характер.

Сложные этнические взаимодействия и определенные особенности социальной организации отразились в известном динамизме погребальных обрядов Гнездовского могильника. Район Гнездова на Смоленщине является, пожалуй, первым, где погребальный обряд позволяет сделать вывод о наличии социального неравенства. В могильниках предшествующего времени на Смоленщине нет признаков имущественной или социальной дифференциации.⁸ Здесь же Д. А. Андусин выделил три группы населения: предводители дружин, рядовые дружинники и ополченцы.⁹

Курганы Гнездова различаются как по характеру погребений, так и по форме насыпей.

По обоим берегам р. Свники преобладают курганы обычной круглой формы (большой частью полушарные, с некоторым количеством плоских насыпей). На правом берегу в Центральной группе громадными размерами выделяются большие гнездовские курганы с плоскими или уплощенными вершинами. На левом берегу р. Свники в Лесной группе не отмечены насыпи, резко выделяющиеся размерами, хотя и здесь известны сравнительно большие курганы. «Плоские курганы» концентрируются в основном в южной и юго-западной частях Лесной группы. В этой же группе зафиксировано несколько четырехугольных насыпей.

Своеобразие форм насыпей соответствует своеобразию погребального обряда. В больших курганах содержатся исключительно богатые погребения с оружием, торговым инвентарем, наборами женских украшений, разнообразными жертвоприношениями, а в некоторых случаях погребения в ладье, зафиксированные большим числом захоронений. То же можно сказать о ряде курганов средних размеров с плоским верхом. Остальные, довольно однородные по обряду, все же дают, по определению Е. А. Шмидта, некоторые отклонения. Среди них, кроме перевернутых урн и ямок для сожженных костей, следует указать на каменные конструкции, известные, правда, в небольшом числе в основном по раскопкам М. Ф. Кусцвинского и В. И. Сизова.

Труположения, обнаруженные на окраинах могильника, было бы преждевременно ставить в непосредственную связь с христианизацией Смоленщины в начале XI в. Некоторые из них, например в кургане 95 раскопке Д. А. Андусина, в кургане 1 раскопке И. С. Абрамова, имеют восточную ориентировку, которая может восходить к языческим курганам.

Отмеченные особенности обряда объясняются не только социальными, но и этническими различиями населения Гнездова.

На рубеже X и XI вв. или в первой половине XI в. происходит спад активного функционирования Гнездовского комплекса. Неясными остаются его причины и характер. Жизнь в Гнездове продолжалась и после его расцвета и упадка: об этом свидетельствуют находки на территории центрального селища. В XV в. Гнездово упоминается уже как село, принадлежащее Смоленску.

Нерешенным остается вопрос об отношении Гнездовского комплекса памятников к древнему Смоленску. Раскопки И. И. Ляпушкина в Гнездове показали несостоятельность гипотезы Бугославского—Андусина, согласно которой Гнездовский могильник являлся кладбищем древнего Смоленска. Но и точка зрения А. А. Спицына на Гнездово как первоначальное

место Смоленска нуждается в доказательствах.¹⁰ Во всяком случае можно утверждать, что с IX до начала XI в. на Верхнем Днепре в районе Гнездова существовало крупное поселение, в рамках которого в период его расцвета осуществлялись не только торговые связи, ремесленное производство, но и шло развитие общественных, а в какой-то мере и этнических процессов. Это поселение значительно отличается от исследованных древнерусских городов X—XI вв. и по планировке, и по времени существования, а в известной мере и по формам социальной организации.

Отмечая специфику Гнездова, следует учитывать, что в условиях формирования и функционирования системы европейских торговых связей поселения, выполнявшие некоторые из свойственных Гнездову функций, возникли в разных местах Восточной, Северной и Западной Европы. Общая типология этих торговых центров (Handelsplätze) раннего средневековья («эпохи викингов» на Севере) разрабатывается Г. Янкуном.¹¹ Появление такого рода поселений обусловлено в первую очередь своеобразием торговли IX—XI вв., охватывавшей сравнительно широкие слои населения. В то же время она была сезонным, временным для большинства участников занятием, неразрывно связанным с грабительскими походами (походы викингов в Скандинавию) и постоянным поступлением в обращение военной добычи. Первоначально временные торговые центры возникали там, где зарождающаяся торговля не могла найти административных, политических или военных центров, обеспечивающих безопасность «гостей», на бойких перекрестках торговых путей, передко на стыке регионов нескольких племен и народов, на реке или берегу фьорда, но непременно на некотором удалении от моря. Корабельные стоянки с небольшим числом обслуживающих их жителей быстро превратились в обширные, многолюдные поселения. Однако от средневековых городов эти торговые центры отличает ряд особенностей: 1) колеблющийся в зависимости от торгового сезона состав населения; 2) временные формы социальной связи «торговых людей»; 3) отсутствие, по крайней мере на ранних этапах развития, укреплений; 4) при господстве язычества поселения окружены большими могильниками с разнообразными вариантами обряда; 5) период функционирования ограничен IX—началом XI в., во второй половине X в. начина-

ется упадок, а к середине XI в. торговые центры исчезают, сменяясь средневековыми городами.

Источники IX в. называют эти центры в Северной Европе «виками» (vicus — лат. — в значении «залив», «порт», то же wik, Wike — герм.).¹² Эта форма поселений не была скандинавским изобретением: норманны получили ее в готовом виде, познакомившись с фризскими виками — Домбургом на о. Вальхерен, Дорестадом в устье Рейна и другими, возникшими еще в VII столетии. Первый центр такого рода в Скандинавии — Хедебю — зародился в конце VII или начале VIII в. как фризский торговоремесленный поселок. В первой половине IX в. его сменили скандинавские поселения; одно из них быстро расширилось. С середины IX в. в Хедебю начинается чеканка собственной монеты. В X в. площадь поселения занимает 24 га; выделяется особый ремесленный квартал, окраины поселения заняты могильниками, частью уже застроенными. Наконец, вики был окружен мощным валом (см. рисунок, б).

Затем заметную роль в развитии северной торговли IX—X вв. сыграл Ширингсаль в Норвегии, оставшийся до конца «эпохи викингов» небольшим неукрепленным поселением на берегу фьорда; могильник с разнообразными по обряду погребениями находился на противоположном берегу (см. рисунок, в).

Скандинавский вики, наиболее тесным образом связанный с восточно-славянскими землями, — Бирка в Швеции на о. Бьорко (озеро Мелар) — возник в конце VIII—начале IX в. как открытое поселение под защитой городища (Borg) между двумя бухтами. Одна из них носит фризское название Kugghamn; по-видимому, как и в Хедебю, фризы первыми избрали это место для стоянки торговых судов (kugg — корабль, hamn — гавань).

Открытое поселение (Svarta jorden — «Черная Земля») занимало площадь в 12 га. В X в. оно было обнесено земляным валом. За пределами поселения на обширном поле (Hemlanden) возник курганный могильник с погребениями по способу сожжения. Другой могильник такого же рода располагался на полях южнее и юго-восточнее Борга. Севернее Борга, на территории поселения, возле и в насыпи вала и в прамыкающих к этим районам северной и южной части Хемландена Я. Столье открыты грунтовые могильники с труположениями в ямах и камерах (см. рисунок, г).

Хронология Бирки охватывает IX и три четверти X в. Арбман считал, что после 975 г. в могильнике Бирки захоронения не соверша-

¹⁰ И. И. Ляпушкин. Гнездово и Смоленск, с. 36.

¹¹ Н. Янкун. Typen und Funktionen vor- und frühwikingereitlicher Handelsplätze im Ostseegebiet. Wien, 1971.

¹² Rimburtus Vita Anskarii. Rec. G. Waitz. Hannoverae, 1884, cap. 16, 19; Н. Янкун. 1) Typen... S. 30; 2) Halthabu, S. 30.

лись,¹³ кладбища XI—XV вв. в стороне от основного некрополя связаны со средневековыми сельскими поселениями на о. Бьорко.

Занятия населения можно определить главным образом по данным могильника; впрочем, на поселении зафиксированы следы ремесленной деятельности. Письменные источники делают жителей Бирки на аватных (*vobili*), купцов (*negotiatores*) и чернь (*poruli*). Из них в IX в. вторая группа как будто преобладала. Очевидно, как и в Хедебу, ремесло становится занятием местных жителей несколько позднее, чем торговля (в Хедебу — с X в.). Размах торговых связей документирован обилием западных и восточных импортов в могилах Бирки. Часто встречающиеся в дружинных и даже женских погребениях гирики для взвешивания серебра — свидетельство повседневноности торговых сделок, купли и продажи. Есть сведения о частной собственности на землю в Бирке IX в. Постоянные и временные жители вика в случае нужды сходились на тинг, могли собрать ополчение. Городом, подвластным конунгу, управлял викаграф (*præfectus vici, comes*), может быть, опиравшийся не только на тинг, но и на небольшую, подчиненную конунгу дружину.

Состав населения в какой-то мере отразился в соотношении различных типов обряда в могильнике Бирки.¹⁴ Раннее ядро некрополя (Хемланден) состоит из небольших курганов с урновыми сожжениями, традиционными для Средней Швеции. Уже в IX в. севернее Борга возник могильник с труположениями в ямах и деревянных камерах. Те и другие связаны с началом христианизации Бирки (миссия Ансгара «Копье господне» в 830 г.). На земле, подаренной конунгом, вероятно в Борге, была основана первая церковь. Камерные могилы (богатые женские захоронения с наборами украшений и мужские с оружием), очевидно, принадлежали дружинникам-христианам (*vobili*) и их женам. Среди ямных могил могут быть погребения как крещеных шведов, так и выходцев из других стран.

На полях южнее и юго-восточнее Борга большинство погребений составляют сожжения в ладье, окруженные курганами с безымянными захоронениями. Специфический для эпохи викингов в Средней Швеции обряд замкнутый характер кладбищ, противопоставленных городскому некрополю, наводит на мысль о принадлежности этих кладбищ дружи-

¹³ H. Arfman. Birka. T. I. Text, Einleitung. Uppsala, 1940—1943. S. I—XV.

¹⁴ Г. С. Лебедев. 1) Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка. В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 180—190; 2) Камерные могилы Бирки. Тез. докл. V Всесоюз. конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии. М., 1971, с. 11—13.

нам викингов, в IX—X вв., безусловно, представлявшим собой особую, переходную форму социальной организации.

В X в. в Бирке распространился обычай ингумации. Традиционные урновые сожжения вытесняются безурновыми, богатыми или бедными. На окраине Хемландена и в пределах Черной Земли возникли новые кладбища. Здесь, вокруг Земли возникли новые кладбища. Здесь, вокруг Земли возникли новые кладбища. Здесь, вокруг Земли возникли новые кладбища. Здесь, вокруг Земли возникли новые кладбища.

Новые типы обряда и группировка могил отразили социальную эволюцию вика. Наряду с викингами IX в. в X столетии выделился высший дружинный слой, хоронивший своих мертвых в камерных могилах. Королевская дружина в Скандинавии стала основой формирующегося господствующего класса. Кризис язычества, распространение христианства (новые кладбища возникли, вероятно, во второй половине IX в. возле основанных Ансгаром двух церквей на поселении) — также следствие социальной дифференциации.

Этнический состав не отразился в материалах Бирки столь же глубоко. При вероятной его сложности распространение нейтрального обычая ингумации затрудняет выделение нешведских погребений.

Историческое значение «вика на Мелар» заключается в том, что, как и другие поселения такого рода в Скандинавии, он явился аккумулятором новых общественных отношений. Первоначально недифференцированные социальные функции достигли здесь наивысшего развития. В рамках торгового центра выделяется ремесло, к началу упадка вика происходит юридическое оформление новых отношений (с Биркой связывают создание *Vjörkåbet*, торгового права средневековой Скандинавии), выделяется господствующий класс (королевская дружина), наконец, происходит идеологическое освящение нового порядка с распространением христианства. Не случайно деятельность бременских миссионеров IX в. связана с Биркой и Хедебу.

Выделяя Бирку и Хедебу с их четкой топографической структурой среди прочих торговых центров, Г. Янкуа скептически относится к возможности обнаружения им параллелей в западноевропейских и западнославянских материалах.¹⁵ Такое отношение в ряде случаев оправдано трудностями археологического изучения многих торговых центров: так, например, порт раннесредневекового Волина, крупнейшего из этих центров в Поморье, оказался на

¹⁵ H. Jankuhn. Typen... S. 26.

эриктории современного плотно застроенного города. Детализация его планировки, как будто сходной с планировкой северных вики, затруднена.¹⁶

В этом отношении Гнездовский комплекс памятников предоставляет новые возможности для сравнения с материалами других торговых центров IX—XI вв. Сопоставление Гнездова с Биркой выявляет ряд важных сходных черт этих памятников.

Сходство заключается: 1) в их положении на перекрестках торговых путей, в сравнительно безопасном месте (Центральный гнездовский комплекс находится на некотором удалении от волоков), под защитой укреплений, значительно меньших, чем основные поселения. Площадь последних отличается большими размерами (Бирка — 12, Гнездово — не менее 16 га), они не имеют укреплений. Поселения окружены большими курганными могильниками с различными вариантами погребального обряда; 2) в хронологической близости этих поселений; они начинают функционировать в IX в., достигают расцвета в X и приходят в упадок в конце X—началу XI в.; 3) в занятиях населения торговлей и ремеслом, в участии в военных походах; 4) среди населения наряду с этнической неоднородностью отмечены резкие социальные различия, возникшие во время существования поселения. И в Гнездове, и в Бирке выделяется дружинный слой, подчиняющий себе остальное население. Следует отметить, что в Гнездове представлены некоторые разновидности обряда сожжения, известные в Бирке (в частности, сожжения в ладье).

Для обоих центров, по-видимому, необходимо предположить колебавшийся состав населения, его нульсаию, а следовательно, преимущественно временный характер возникающих объединений. Наряду со сходными чертами существуют и значительные отличия Гнездова: оно расположено в глубине восточноевропейской равнины; его топографическая структура сложнее, нежели северных вики, что может объясняться особыми, неизвестными в Скандинавии, этапами развития этого центра. Гнездовское поселение так и не получило постоянных укреплений. Христианство здесь, вероятно, не стало широко распространенной религией.

Наконец, важнейшее отличие Гнездова заключается в том, что оно явилось одним из центров мощного процесса консолидации восточных славян, ассимиляции остатков балтского населения и формирования большого этнического массива — древнерусских кривичей. Следы этого процесса есть в материалах и мо-

¹⁶ W. Filipowicz. Port wczesnośredniowiecznego Wolina. Materiały zachodniopomorskie. T. II. Szczecin, 1956, s. 183—210.

гильника, и поселения. Социальные процессы здесь неразрывно связаны с этническими.

Эти отличия позволяют в известной мере определить историческое место Гнездова. Нет никаких оснований считать его «норманнской факторией»: ¹⁷ присутствие здесь, как и в Ладге, норманнов объясняется тем, что перед нами интернациональная по сути форма организации международной торговли, притягивающая в первую очередь те элементы, которые были извечно заинтересованы в ее развитии — независимо от их этнической принадлежности. Питательная среда этих поселений — местное население, обеспечивающее непрерывное в течение двух столетий их развитие. В то же время, в силу самой ограниченности международной торговли на этом этапе, она не могла развиваться за счет исключительно местных, внутренних ресурсов. Участие заморских гостей — такое же непреложное условие существования Гнездова в качестве торгового центра, как и Бирки, и Хедебу.

Население Гнездова IX—X вв. создало специфическую для своего времени культуру. В рамках ее происходит процесс интеллигентизации и объединения разнородных, нередко различных по происхождению, элементов. Пришельцы, оседавшие в Гнездове, с одной стороны, приспособлялись к воздействию среды, а с другой — становились одним из ее компонентов, передавая формирующейся культуре отдельные новые своеобразные черты,¹⁸ которые в начале XI в. с появлением собственно древнерусской курганной культуры уже не прослеживаются.

Сложение раннеклассовой структуры в Гнездове в отличие от северных вики¹⁹ не приняло столь развитых и четких форм, как например в Киеве, где достигли наивысшего выражения те общественные явления, на которых оборвалось развитие Бирки (князь, дружина, христианская церковь). Гнездово — место и форма вызревания лишь некоторых общественных функций древнерусского города. На Русь эти функции окончательно закрепились за другими (прежде всего племенными) центрами, в большей мере зависевшими от развития внутренних, восточноевропейских процессов, и в меньшей — от далеких международных связей.

¹⁷ D. Avdusin. Smolensk and the Norwegians according to the Archaeological Data. Norwegian Archaeological Review, vol. 2, 1969, p. 52—62; обобщение статьи в Norw. Arch. Review, vol. 3, 1970.

¹⁸ D. M. Wilson. East and West: a comparison of Viking settlement. In: Varangian problems. Scando-Slavica, supplementum 1, Copenhagen, 1970, p. 114.

¹⁹ Во время обсуждения доклада по этой теме 7 апреля 1970 г. (см.: КСИА, вып. 129, 1972, с. 114) П. Н. Третьяковым была высказана интуитивная мысль, что восточноевропейским аналогом «вику» могут служить «стави», известные на Северо-Востоке Руси.